

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Смирнова Владимира Николаевича на тему: «Влияние немецкого “романтического национализма” на русскую философию XIX века», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии

Владимир Николаевич Смирнов представил оригинальное историко-философское исследование, посвященное влиянию немецкой культуры и философии на русскую мысль XIX в. Диссертация В.Н. Смирнова во многом компенсирует недостаток компаративных исследований в современной отечественной историко-философской литературе. Действительно трудно переоценить значение немецкой культуры и философии на многие стороны русской жизни XIX в. Мало какая культура могла конкурировать на равных с немецкой наукой и философией в XIX в. Усиливалось доминирование Германии практически во всех областях жизни: от науки, искусства и технологий до политики. XX в. должен был стать веком Германии. Понятно, что эти процессы сопровождались ростом самосознания и национальных чувств немцев. Националистические настроения находили отражение в немецкой науке и философии, посредством которых также влияли на русскую культуру.

Специальным предметом диссертации Владимира Николаевича является «романтический национализм», а временные рамки исследования по факту затрагивают не только XIX в., обозначенный в заглавии, но и предшествующую эпоху – XVIII столетие. Актуальность рассматриваемых в диссертации вопросов и сюжетов не вызывает сомнений, поскольку националистические настроения в мире, кажется, переживают свой второй ренессанс на фоне роста правых и популистских политических идеологий. В то же время работа Смирнова содержит богатый фактический материал и, несомненно, вносит значительный вклад в историографию русской философии. Диссертация демонстрирует, что ее автор в равной мере является блестящим специалистом как в русской, так и в немецкой философии, свободно владеет историко-философским материалом и методами его анализа. В целом диссертация написана в рамках достаточно традиционного историко-философского нарратива, вскрывающего логику заимствований в русской мысли и культуре XIX в. В исследовательской литературе неоднократно указывалось на факты усвоения русскими мыслителями идей, интерпретационных схем и систем аргументов немецкой философии, но мало кто из историков философии столь детально и внимательно на фактах пытался проследить такие влияния. Этим диссертация Владимира Николаевича Смирнова выгодно отличается от многих существующих исследований. Не останавливаясь подробно на пересказе основных идей и сюжетов, этой во всех смыслах замечательной диссертации, перейду к главной цели оппонирования: формулированию замечаний и пожеланий, ограниченных, правда, лишь той частью, которая касается русской философии.

1. Ключевым понятием диссертации является «романтический национализм». Однако внятного определения «романтического национализма» в диссертации нет. Владимир Николаевич приводит точку зрения Г. Кона о связи «восточного национализма» с романтической культурой. Но связь «восточного», т. е. немецкого национализма с романтизмом не позволяет столь однозначно ставить знак равенства между романтизмом и национализмом или отождествлять романтизм с культурным национализмом. Стремление

интеллигенции к выработке самобытной национальной культуры еще не является национализмом. Национальное и националистическое – не одно и то же. В диссертации же любые отсылки к народу, народной культуре и т.п. у немецких или русских мыслителей обозначаются как национализм. В.Н. Смирнов отмечает, что выражение «романтический национализм» использовали и используют разные авторы, как отечественные, так и зарубежные. Распространенность выражения только усложняет ситуацию, поскольку разные авторы вкладывают в него далеко не всегда одни и те же значения. Все это говорит лишь о том, что «романтический национализм» - это устоявшийся термин, но не общепринятое понятие. Двусмысленностью или даже многозначностью обладает и само понятие национализма, применение которого к разному материалу без дополнительных пояснений кажется не всегда оправданным и корректным. Так, например, я убежден, что у ранних славянофилов не было националистической программы. Не характерным для них был и панславизм, отзвуки которого можно услышать только в некоторых стихах А.С. Хомякова.

Романтизму в диссертации приписывается исключительная роль в формировании мессианской идеи в России, согласно которой Россия должна сказать свое слово в истории. Надо признаться, что у России был богатый опыт мессианского самосознания. Достаточно вспомнить учения о Москве – Новом Иерусалиме или Третьем Риме. Другое дело, что романтизм в качестве носителя мессианской идеи рассматривает народ, а не государство, но в диссертации этот важный момент не акцентирован.

2. Содержательная сторона диссертации строится на последовательной связи трех явлений: мистицизма, романтизма и национальной философии. По словам В.Н. Смирнова, «на становление национальной философии в России большое влияние оказало мистическое направление» (с. 105). Может показаться, что Владимир Николаевич повторяет известный тезис И.В. Киреевского, что «характер господствующей философии зависит от характера господствующей веры», с той только разницей, что известный славянофил имел в виду процесс рационализации веры в католицизме, приведший сначала к появлению схоластической философии внутри веры, затем реформации в вере и наконец к рационалистической философии вне веры. Субъективность и неповторимость мистического опыта делает затруднительным его описание, тем более догматизацию или понятийное определение. Аморфность мистицизма с трудом поддается философскому оформлению, поэтому видеть в мистицизме главный источник вырастающей из романтизма национальной философии есть сильное преувеличение. Романтизм и национальная философия не столь однозначно связаны с мистицизмом, как это трактуется в диссертации. Иначе пришлось бы считать романтиками Г.С. Сковороду с митр. Филаретом (Дроздовым) и М.М. Сперанским или секты хлыстов и скопцов.

3. Большое внимание в диссертации уделяется тем процессам, которые происходили в русской культуре в XVIII в. В них В.Н. Смирнов вполне справедливо видит истоки многих мировоззренческих трансформаций и философских идей XIX в. Однако выбор источников и те акценты, которые расставлены в диссертации вызывают много вопросов. В последней трети XVIII в. в русской науке, литературе и публицистике, действительно, усиливается интерес к национальной истории и традициям. В диссертации в качестве иллюстрации этих процессов среди прочих рассматриваются взгляды А.Н. Радищева и Н.И. Новикова. В частности, Владимир Николаевич останавливается на таких произведениях А.Н. Радищева, как «О человеке, его смертности и бессмертии» и «Путешествие из Петербурга в Москву», в то время как более уместно было бы обратиться к его «Беседе о том, что есть сын

отечества». Н.И. Новиков привлекается как представитель масонства, в котором основное внимание уделяется мистической стороне учения. Однако для контекста диссертации важнее была деятельность Н.И. Новикова по изданию исторических памятников и его сатиры, высмеивающие подражательность русского дворянства.

Высказывания о том, что «усвоение европейской культуры происходило в первой половине XVIII в.», конечно, не грешит против исторической правды, однако требует оговорки, что сам процесс такого усвоения начался значительно раньше (по крайней мере, с XVI в.) и продолжается до сих пор.

В начале диссертации Владимир Николаевич лишь одной фразой упоминает о том, что в екатерининскую эпоху «появляются работы, затрагивающие вопросы национального характера» (с. 20) и при этом ссылается на мое (признаюсь, в известном смысле случайное) учебное пособие, вместо того, чтобы адресовать к такому фундаментальному исследованию, как, например, монография Ю.В. Стенника «Идея “древней” и “новой” России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII - начала XIX века» (СПб., 2004). В последней трети XVIII в. в России не просто «затрагиваются» вопросы национального характера русских, но впервые формулируется проблематика национального характера, которая была следствием полемики, вызванной критикой европейских нравов. Poleмика продемонстрировала те изменения, которые привели к становлению национального самосознания в России и формированию национальной идентичности, сменившей идентичность религиозную. Для темы диссертации эта полемика имела принципиальное значение, поэтому отмахнуться от нее одной фразой было большой ошибкой. Со своей стороны хочу посоветовать Владимиру Николаевичу расширить источниковую базу своих исследований хотя бы статьями П.А. Плавильщикова («Нечто о врожденном свойстве душ российских», 1792 и др.).

Так же должен заметить, что обращение к национальной традиции в России в конце XVIII в., сопровождавшее критику европеизма, не было контрпросветительским направлением, как об этом говорится в диссертации. Критика шла в русле просветительских идей (значение нравов в истории, психологическая или природно-климатическая причинность исторических событий и т.п.). Представители этой критики – Н.И. Новиков, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, Д.И. Фонвизин, Я.Б. Княжнин и др. – были во всех смыслах людьми своей эпохи, т. е. Просвещения.

Не могу согласиться с утверждением, что внецерковная религиозность в России XVIII в. была одним из «выражений» Просвещения. В эпоху Просвещения, как известно, происходило становление секулярной культуры. И русское просвещение в этом отношении ничем не отличалось от своего европейского образца. Указывая на внецерковную религиозность В.Н. Смирнов имеет в виду прежде всего масонство. Но внецерковная религиозность была представлена шире (например, учение и личность Г.С. Сковороды, мистические и рационалистические секты и т.п.), т. е. не только масонами. Она была реакцией на процессы, происходившие в русском обществе и государстве еще до просвещения: церковный раскол и церковная реформа Петра I. Рост внецерковной религиозности в России XVIII в. надо признать не признаком и не следствием Просвещения, а параллельным процессом, указывающим не линейный характер развития русской культуры.

4. Я уже выразил свое несогласие с утверждением о национализме славянофилов. Более подробно в диссертации рассматриваются только взгляды И.В. Киреевского. Упоминается о «большем национализме» А.С. Хомякова. Однако фрагмент, ему

посвященный, столь краток, что из него совершенно не ясно в чем состоял национализм лидера славянофилов и тем более, каким аршином он измерялся. Это тем более обидно, что даже, на мой взгляд, довольно случайному сюжету о В. Засулич в диссертации отведено значительно больше места, чем А.С. Хомякову и другим славянофилам. А между тем для сопоставления русской и немецкой культуры и их филиаций крайне интересным представляется вопрос об участии этнических немцев в славянофильском движении (А.Ф. Гильфердинг, В.И. Даль, О.Ф. Миллер). Полагаю, что О.Ф. Миллер – очень удачная фигура для того исследования, которое предпринял Владимир Николаевич. Под влиянием гегельянца К. Розенкранца О.Ф. Миллер подготовил диссертацию «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных» (1858), но затем увлекшись изучением русского фольклора сблизился со славянофилами, став одним из самых искренних и активных их последователей. Хочу обратить внимание на характеристику О.Ф. Миллером славянофилов как гуманистов, в противоположность «националам». Националистические основы немецкой науки и публицистики (по крайней мере, в отношении славян) были вскрыты в диссертации еще одного славянофила – В.И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871). При этом учение В.И. Ламанского о языке во многом было инициировано идеями В. Гумбольдта, а в своей политико-географической концепции он исходил от А. Гумбольда. Творчество В.И. Ламанского, пожалуй, полнее всего позволяет проследить рецепцию немецкой науки, по крайней мере, в позднем славянофильстве. При этом О.Ф. Миллер и В.И. Ламанский в диссертации даже не упоминаются.

5. В качестве недостатка должен отметить некоторую калейдоскопичность изложения, напоминающего новостную строку. От историко-философского исследования все же ожидаешь большей вдумчивости и чуткости к языку. У меня создалось впечатление, что диссертант в своем исследовании шел не от материала, а от загодя сформулированной априорной схемы (мистицизм – романтизм – национальная философия). Некоторая механистичность текста проистекает от того, что он представляет собой иллюстрацию этой схемы. Создается впечатление, что смысловые оттенки таких понятий как народ и народность, нация и национализм в тексте не различаются, не делается поправка на контексты их использования. Между тем обращение к истории понятий могло бы значительно содержательно обогатить диссертацию. Ведь не случайно в начале XVIII в. появляется слово «народ», а столетие спустя – «народность». Известную роль в его распространении сыграл С.С. Уваров, а, точнее, его секретари, переводившие с французского языка тексты своего шефа, и фактически привнесшие в русский язык этот неологизм. Интересно, что в эти же годы в русский язык входит слово «культура».

6. Кандидатская диссертация – работа квалификационная, в которой историк философии должен показать знание источников и историографии вопроса, а также умение работать с ними. Я уже коснулся некоторых проблем с подбором источников, случайностью ряда сюжетов или мало объяснимых лакун (например, дело В. Засулич или отсутствие даже упоминания К. Рылеева в сюжете о «романтизме» декабристов). Понимаю, что объем исследовательской литературы в современной науке делает ее исчерпывающее изучение трудно выполнимой задачей. На это еще в середине XIX в. сетовал С.С. Уваров. Однако есть книги, игнорирование которых граничит с невежеством. Не могу найти объяснения тому факту, что в диссертационном исследовании (и в тексте, и в библиографии) не упоминаются, например, монографии А.Н. Пыпина «Религиозные движения при Александре I» и «Общественное движение в России при Александре I», А.И. Миллера

«Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования» и «Нация, или Могущество мифа», монографии З.А. Каменского о русском шеллингианстве, любомудрах, славянофилах, А.И. Галиче, Т.Н. Грановском и др., многочисленные исследования Б.Ф. Егорова.

7. Последние замечания из разряда фактологических придировок. И.В. Киреевский не мог слушать лекции Иоганна Вильгельма Риттера, как об этом утверждается в диссертации. И.В. Риттер умер в 1810 г., а И.В. Киреевский посещал лекции в Берлинском и Мюнхенском университетах в 1830 г. Действительно, в одном из писем матери И.В. Киреевский упоминает о лекциях Риттера, на которые он одно время променял занятия у Гегеля. Вероятно, здесь речь идет о географе Карле Риттере. Несколько сбивает с толку фраза о «вышедшей в Александровскую эпоху» «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзина (с. 94). Действительно, «Записка» была написана в 1810–1811 гг., но она не предназначалась для печати. Из-за цензурных ограничений она впервые была полностью опубликована в России только в 1900 г. в приложении к книге А.Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I».

В заключении хочу подчеркнуть, что достоинства диссертации значительно превосходят мелкие замечания, отмеченные в отзыве. Надеюсь, что в лице Владимира Николаевича Смирнова история русской философии приобрела нового перспективного исследователя.

Диссертация Смирнова Владимира Николаевича на тему: «Влияние немецкого “романтического национализма” на русскую философию XIX века» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Смирнов Владимир Николаевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

Доктор философских наук, профессор, профессор

А.В. Малинов

6 декабря 2021 г.